

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Прокофьев А.В.

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, ул. Волхонка, 14/1, Москва, 119991 Россия. E-mail: avprok2006@mail.ru.

Вопрос об иерархии нравственных требований в этике Ф. Хатчесона

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из историко-философских прецедентов выявления иерархии нравственных требований – классификации прав Френсиса Хатчесона. Для установления порядка приоритетности между нравственными нормами Хатчесон пользуется разграничением совершенных и несовершенных прав, восходящим к Гуго Гроцию и Самуэлю Пуфендорфу. Однако он вносит в ряд поправок к обоснованию и нормативному смыслу этого разграничения. Поправки связаны с проектом преодоления юридизации морали, провозглашенным в его ранней статье «Размышления об общераспространенных системах морали» (1724) и осуществленным в более поздних работах. Хатчесон обосновывает ограничение правового принуждения сферой совершенных прав не только на основе социально-дисциплинарных, но и индивидуально-перфекционистских соображений, он подчеркивает роль соблюдения несовершенных прав для достижения морального совершенства и вводит дополнительную типологическую нишу (внешние права), чтобы зафиксировать те случаи, когда защита законного интереса тождественна нарушению нравственного долга.

Ключевые слова: Мораль, этика, сила нравственных требований, совершенные, несовершенные и внешние права, Ф. Хатчесон.

Одной из важнейших задач, стоящих перед моральным субъектом, является ситуативная конкретизация нравственного долга. Каждый из нас постоянно определяется с тем, как должно действовать «здесь и теперь», в специфических условиях, требующих принятия и реализации решений. К примеру, у нас может быть твердое убеждение в том, что необходимо помогать тому, кто оказался в нужде, воздавать по заслугам, не лгать, не причинять вред и т. д. Однако в некоторых конкретных случаях, требующих совершения поступка, помощь может

осуществляться только за счет причинения вреда, игнорирования заслуг или обмана, отказ от причинения вреда или обмана препятствует оказанию помощи, воздаяние по заслугам ведет к тому, что находящийся в нужде остается без содействия. Это означает, что мы сталкиваемся с противостоянием нормативных требований, имеющих отношение к нашей ситуации, которое часто называют также конфликтом обязанностей.

Как обеспечивается выход из подобного конфликта? Моральный субъект пытается определиться с приоритетом одних нравственных требований над другими. При этом выбор более сильного (приоритетного) требования может рассматриваться как проблема, которая находится всецело в сфере уникальных индивидуальных суждений, не подлежащих переводу на общезначимый язык. Неповторимая личность в неповторимой ситуации иерархизирует конфликтующие требования. Никто и никогда не был и не будет на ее месте, поэтому внешняя оценка правильности решения оказывается невозможна. Другая позиция предполагает существование ряда правил, устанавливающих общезначимую иерархию нравственных требований и соответствующих им обязанностей. Эти правила не обязательно превращают нравственно значимое решение в механическую процедуру, подобную использованию трафарета. Значительное количество поступков сохраняет свой индивидуализированный характер. Однако в некоторых типичных, сходных между собой ситуациях выбор того требования, которое должно быть реализовано, оказывается предрешиен заранее, не зависит от личных особенностей и индивидуального взора действующего лица.

На протяжении всей истории этической мысли выявление иерархии нормативных требований было важной темой теоретического поиска. В новоевропейской этике одной из форм ее разработки стали попытки философов обосновать и конкретизировать разграничение совершенных и несовершенных прав и совершенных и несовершенных обязанностей. Задача данной статьи состоит в том, чтобы реконструировать такую попытку, предпринятую представителем англо-шотландской философии Френсисом Хатчесоном. Причина выбора именно этой персоналии в качестве основного героя исследования состоит в том, что в вопросе об установлении системы приоритетов в области нравственных требований Ф. Хатчесон является промежуточной фигурой на пути от классических теорий естественного закона к кантовской метафизике нравов.

Формирование концепции совершенных и несовершенных прав (теории естественного закона Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа)

Для того чтобы точнее определить место Хатчесона в генезисе представлений о совершенных и несовершенных правах и обязанностях необходимо обратиться к истокам этого разграничения. Пару понятий «совершенные» – «несовершенные» права (обязанности) часто называют «Гроциевым изобретением». Это утверждение в целом верно, хотя следует иметь в виду, что Гроций применял понятия «совершенный» и «несовершенный» (вернее – «менее совершенный») исключительно к правам, а не к обязанностям и напрямую сделал это лишь один раз. Обсуждая право в значении «нравственного качества, присущего личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе», он разделял «нравственные качества» на «совершенные» – способность (*facultas*) и «менее совершенные» – соответствие (*aptitudo*). Способность, позволяет называть нечто «своим» (таково наше отношение к самому себе, к людям, над которыми мы имеем власть, к собственности, к тем предметам и действиям, которые можно истребовать по заключенному договору). Соответствие указывает лишь на то, что человек «достоин» получения определенных благ или определенного обращения со стороны других людей. Одному качеству соответствует исполнительная справедливость, другому – наделяющая¹.

Каков этический смысл этого разграничения? Во-первых, «способность» в отличие от «соответствия» обеспечивается не только с помощью апелляции к добродетели того, от кого зависит возможность ее осуществления, но и с помощью нравственно оправданного принуждения. В первой главе трактата «О праве войны и мира» (1625) это свойство «совершенных нравственных качеств» лишь подразумевается. Однако если принять во внимание то обстоятельство, что «способность» отождествляется Гроцием с правом в «собственном» или «строгом» смысле слова и реализуется в порядке «исполнительной справедливости», то в тексте трактата «О праве войны и мира»

¹ Гуго Гроций. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 69. О причинах использования термина «наделяющий» для перевода Гроциева термина *attributrix*, вместо применяющегося в русском переводе понятия «распределительный», см.: Прокофьев А.В. Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости. М.: Альфа-М, 2013. С. 351–352.

можно обнаружить ряд прямых деклараций этого свойства². Во-вторых, совершенные права имеют нормативный приоритет по отношению к несовершенным, во всяком случае, тогда, когда совершенное право уже истребовано его обладателем. Тому, кто обладает несовершенным правом, а равно третьим лицам, действующим в его интересах, запрещено реализовывать это право в ущерб совершенному. Обладатель совершенного права вполне может им поступиться, однако, никто не наделен полномочиями принудить его к этому. Данный тезис также не артикулирован Гроцием прямо. Однако он вытекает из ряда используемых им примеров. В них «соответствие» становится основой действия, представляющего собой принуждение, но это недопустимо, поскольку принуждение получает моральную санкцию лишь в случае реализации «способности». Молодой и неопытный царь Кир готов отдать плащ тому, кому он впору, вместо того, чтобы понять, «кто является настоящим владельцем» (то есть «кто завладел вещью силой, или... сам ее сделал или купил»)³. Судья, «потворствующий бедному», идет на поводу у своей жалости и выносит неправомерное решение⁴.

Причины приоритета совершенных прав над несовершенными можно обнаружить, анализируя текст «Пролегоменов» к трактату «О праве войны и мира». Здесь, обсуждая право не как индивидуальное нравственное качество, а как совокупность норм, Гроций также разграничивает его на право «в собственном смысле» и «более широкое право». В связи с первым он перечисляет именно те нормы, которые регулируют реализацию «совершенных нравственных качеств», в связи со вторым – «менее совершенных». При этом философ замечает, что истоком двух типов права являются разные способности человека. Первый тип проистекает из самой по себе способности человека к «общению», к общественному существованию, или «общечитию», второй – связан с дополнительной и вспомогательной способностью – «силой суждения для оценки того, что способно нравиться или причинять вред»⁵.

Характер центрального нравственного разграничения обсуждаемой терминологической оппозиции придал С. Пуфендорф. То, что у Гроция присутствует как ряд связанных по своему смыслу интуиций,

² См.: Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 191, 331, 532.

³ Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 70.

⁴ Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 79.

⁵ Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 46.

у Пуфендорфа превращается в целостную концепцию, которая формулируется на основе систематического употребления ряда технических терминов. Понятия «совершенный» и «несовершенный» являются важным инструментом в его характеристике «нравственных качеств» человека. Они последовательно применяются для разграничения типов власти (*potestas*), права (*jus*), и обязанности (*obligatio*). Все эти три качества могут быть, по Пуфендорфу, совершенными или несовершенными. Однако центральным является понятие права.

Основной принцип разграничения двух видов прав следующий. Если кто-то не предоставляет нам то, на что мы имеем совершенное право, добровольно, то в условиях естественного состояния дозволено заставить его сделать это, применяя силу, в том числе вооруженную, а в гражданском состоянии – используя правовое принуждение. В случае с несовершенным правом ни то, ни другое недопустимо. Его обеспечение отдано на откуп «совести» и «стыда» отдельных лиц⁶. «Я не могу ни принудить другого к совершению благодеяний, ни пригрозить ему судом за неблагодарность»⁷. Ключевая метафора, действующая в отношении совершенных и несовершенных прав такова. Подобно тому, как человек, возвращающий взятый из чужой библиотеки том, ничего не добавляет к ней, а лишь заполняет место на книжной полке, которое он же сделал пустым, тот, кто выполняет совершенное право, ничего не добавляет к имуществу его обладателя. В случае реализации несовершенного права, напротив, действующее лицо именно добавляет нечто к имуществу другого, превращает нечто в «свое» для последнего⁸.

Как и Гроций, Пуфендорф рассматривает совершенные права в качестве имеющих нормативный приоритет. Однако обсуждает этот приоритет прямо, в связи с вопросом о том, что надо делать в том случае, если имеют место два закона, которые не противоречат друг другу в общем смысле, но в какой-то конкретной ситуации не могут быть выполнены одновременно. Пуфендорф в целом принимает приведенный Гроцием и восходящий к Цицерону список правил, по которым разрешаются противоречия между статьями в письменном акте, но частично модифицирует его. У Гроция в этом списке присутст-

⁶ См.: *Pufendorf S. De jure naturae et gentium libri octo*. Lund: Adam Junghans, 1672. P. 107–108.

⁷ *Pufendorf S. Elementorum jurisprudentiae universalis libri II*. Francofurti et Janae: Johanness Meyer, 1669. P. 98.

⁸ См.: *Pufendorf S. De jure naturae et gentium*. P. 111–112.

вует следующий пункт: «Из соглашений воспретительных имеют преимущество снабженные уголовной санкцией перед теми, которые не сопровождаются наказанием; а угрожающие большим наказанием предпочтительнее угрожающих меньшим наказанием»⁹. На его место Пуфендорф в «Обязанностях человека и гражданина по естественному праву» (1673) помещает пункт о приоритете «совершенных обязанностей» над «несовершенными», а в других работах – о приоритете «совершенных взаимных обязанностей» над «несовершенными взаимными»¹⁰. Примером установления приоритета является необходимость выполнить договор займа, которая делает невозможным откликнуться на просьбу или исполнить долг благодарности.

Причины подобного приоритета, по всей видимости, те же, что и у Гроция, но они приведены непосредственно в рассуждении о различии двух видов прав. Почему одни вещи причитаются нам совершенным, а другие несовершенным образом? По мнению Пуфендорфа, это различие восходит к различию естественных предписаний – одни способствуют самому существованию общества, другие – всего лишь его «хорошему существованию». Пуфендорф утверждает, что истребование несовершенных прав силой было бы использованием такого лекарства, которое более тягостно, чем сама болезнь¹¹.

Рецепция разграничения совершенных и несовершенных прав в этике Хатчесона

В характеристике совершенных и несовершенных прав и обязанностей, предложенной Хатчесоном, есть несколько тезисов, восходящих к Гроцию и прямо артикулированных Пуфендорфом. Совершенные права, по его мнению, «настолько необходимы для блага общества, что всеобщее нарушение их сделало бы человеческую жизнь невыносимой». Их осуществление «склоняется к общему благу непосредственно» или содействует «не приносящей никому вреда выгоде какой-либо части общества»¹². Именно поэтому нарушение совер-

⁹ Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 414.

¹⁰ См.: *Pufendorf S. De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo.* Cantabrigae: Joan Hayer, 1682. P. 97; *Pufendorf S. De jure naturae et gentium.* P. 737; *Pufendorf S. Elementorum jurisprudentiae universalis.* P. 333.

¹¹ См.: *Pufendorf S. De jure naturae et gentium.* P. 107.

¹² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М: Искусство,

шенных прав порождает «право на войну и все насилие, которое необходимо для того, чтобы заставить причинивших вред возполнить ущерб и дать гарантии в отношении недопущения подобных преступлений в будущем»¹³. Даже в естественном состоянии подобное насилие не является более вредным, чем безнаказанное нарушение совершенного права. Причина в том, что страх насильственного противодействия уменьшает количество попыток совершить правонарушение. В «цивилизованном обществе» право наказывать закреплено уже исключительно за правителем¹⁴. В неисчерпывающий список совершенных прав, используемый Хатчесоном в «Исследова-

1973. С. 242. Как часть воззрений Хатчесона концепция совершенных и несовершенных прав упоминается и кратко воспроизводится во многих общих работах по истории новоевропейской этики и моральной философии самого Хатчесона (см., напр.: *Haakonssen K. Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment*. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 81–82; *Hope V. Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith* Oxf.: Clarendon Press, 1989. P. 34–37; *Waymack M.H. Francis Hutcheson: Virtue Ethics and Public Policy // The Practice of Virtue: Classic and Contemporary Readings in Virtue Ethics / Ed. by J. Welchman*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2006. P. 173–175). Несколько большее внимание уделяют ей исследователи правовой и экономической мысли (см., напр.: *Buckle S. Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume*. Oxf.: Oxford Univ. Press, 1991. P. 215–222; *Ogose T. Morality, Polity and Economy in Francis Hutcheson // The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Ed. By T. Sakamoto, H. Tanaka*. L.: Routledge, 2003. P. 43–46; *Shimokava K. A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property // Humanities: Christianity and Culture*. 2012. Vol. 43. P. 14–18). Среди этических работ, посвященных непосредственно анализу концепта «права» у Хатчесона, можно выделить статью М. Страссера, рассматривающую классификацию прав Хатчесона в контексте современной дискуссии о «праве на совершение зла» (*Strasser M. Hutcheson on External Rights // Philosophical Studies*. 1986. Vol. 49. № 2. P. 263–269), статью Дж. Моусоуракиса, в которой виды прав, упоминаемые Хатчесоном, охарактеризованы довольно подробно, однако, исключительно в связи с поиском сходств позиции Хатчесона и утилитаристской теории прав (*Mousourakis G. Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory // Indian Philosophical Quarterly*. 1997. № 4. P. 527–542), также статью А. Гарретта, в которой разграничение совершенных и несовершенных прав проанализировано в связи с проблемой соотношения этики принципов и этики добродетели и на фоне вопроса о наделении правами животных (*Garrett A. Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights // The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy / Ed. by G. Boros, H. De Dijn, M. Moors*. Leuven: Leuven Univ. Press, 2007. P. 163–180).

¹³ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 243.

¹⁴ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 243.

нии о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1725), входят: «наше право на жизнь, на плоды своих трудов; право требовать соблюдения соглашений в отношении важных вопросов от людей, способных их соблюдать; право направлять свои действия для достижения либо общего, либо безвредного личного блага до того, как мы передали управление ими в той или иной мере другим людям» (в списке, представленном в «Системе моральной философии» (около 1737 г., опубликована посмертно в 1755 г.), последнее право именуется «естественной свободой», а также присутствуют права на телесную целостность и доброе имя)¹⁵.

Несовершенные права, в полном соответствии с мыслью Пуфендорфа, «содействуют улучшению и увеличению определенного блага в любом обществе, но не являются абсолютно необходимыми для предотвращения всеобщего несчастья»¹⁶. Отсюда следует уже знакомый нам вывод: «осуществление таких прав насильственными средствами обычно приводило бы к большему злу, чем их нарушение»¹⁷. Имеется у Хатчесона и аллюзия на Пуфендорфово рассуждение о том, что исполнение совершенных прав есть возвращение человеку «своего собственного», а исполнение несовершенных – добавление к его имуществу чего-то нового: «нарушение [несовершенных прав] лишь разочаровывает людей, лишая их того счастья, которое они ожидали от гуманности или благодарности других; но оно не лишает их того блага, которое у них уже ранее было»¹⁸. Мысль Пуфендорфа о том, что насильственная реализация несовершенных прав является «большим злом» (лекарством, которое хуже самой болезни), получает у Хатчесона более развернутое объяснение. Он указывает, что претензии людей, связанные с этим типом прав, являются трудно определимыми, в особенности, в том, то касается их степени, поэтому возникающее «разнообразие чувств» неизбежно привело бы к вечной войне¹⁹. В списке несовершенных прав у Хатчесона присутствуют: «право бедных на благотворительность богатых; право всех людей на те услуги, которые не влекут за собой беспокойства или расходов для того, кто их оказывает; право благодетелей на ответную благодар-

¹⁵ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 243.; *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy in Three Books. Glasgow: R. and A. Foulis, 1755. P. 257.*

¹⁶ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 243.

¹⁷ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

¹⁸ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

¹⁹ См.: *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 258.*

ность»²⁰. Оба вида прав, как и у Пуфендорфа, порождают соответствующие им обязанности на стороне тех лиц, которые должны способствовать их соблюдению.

Вместе с тем у концепции совершенных и несовершенных прав и обязанностей Хатчесона есть существенные отличия от линии рассуждения, выстроенной Пуфендорфом. На них следует сосредоточиться подробнее.

Во-первых, разграничение двух видов прав определяется у Хатчесона не только важностью соблюдения совершенных прав для самой возможности существования общества, но и тем, что такое нарушение предполагает особое (крайне негативное) отношение к отдельному человеку. Мысль о превращении человеческой жизни в обществе, не соблюдающем совершенные права, в абсолютно невыносимую сосуществует у него с утверждением, что нарушитель совершенного права «действительно делает несчастными тех, права которых... нарушаются». Нарушитель совершенного права (точнее – человек, причиняющий несправедливый вред (*injurious person*)) не просто невнимателен к благу другого, он проявляет прямую и непосредственную жестокость либо безразличен к «несчастью и разорению других»²¹. Его действия являются злыми не только по «отдаленным», но и по «непосредственным последствиям действия»²². В том же духе может быть истолковано замечание из «Системы...» о том, что соблюдающий совершенные права действует не только в «отдаленных интересах общества» (как в случае с правами внешними – о них см. ниже), но и из долга перед самими обладателями прав²³.

Во-вторых, Хатчесон обсуждает важность сохранения несовершенных прав в сфере, незатронутой принуждением, не только по причинам, которые связаны с общественным благом, но и в связи с обстоятельствами индивидуально-перфекционистского характера. Так в «Исследовании...» он пишет: «применение силы в таких случаях лишило бы людей величайшего удовольствия совершать действия из доброты, гуманности, благодарности, которые перестали бы казаться приятными, если бы людей можно было принудить совершать

²⁰ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

²¹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244. (ср.: *Hutcheson F. An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises. Indianapolis: Liberty Fund, 2004. P. 183–184.*)

²² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 252.

²³ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 260.*

их»²⁴. В «Системе...» присутствует несколько иной разворот той же темы. Здесь обсуждается не лишение людей особого типа удовольствий, а невозможность раскрытия лучших человеческих свойств: «добрые люди не могли бы раскрыть свою доброту по отношению к другим», поскольку себялюбивые люди в страхе перед принуждением проявляли бы ту же самую или даже большую готовность исполнять права²⁵. Кроме того, Хатчесон утверждает, что использование принуждения в отношении несовершеннолетних обязанностей устранило бы пространство «естественной свободы»²⁶.

В-третьих, Хатчесон пытается противодействовать тенденции умалять значение несовершеннолетних прав. Следует при этом отметить, что такое противодействие опирается на две слабо совместимых между собой линии рассуждения. Первая устанавливает полное равенство между видами прав. Так вводя понятие несовершеннолетних прав в «Системе...», Хатчесон утверждает, что они «в той же мере в действительности святы перед Богом и нашей собственной совестью», как и совершенные. «Их нарушение и пренебрежение ими во многих случаях также преступно перед Богом, как и нарушение совершенных прав»²⁷. Это означает, что различие между ними не в нормативной силе, а в одних только способах истребования. Если рассматривать различные моральные предписания и запреты исключительно перспективе силы их воздействия на совесть, то эта сила определяется чем-то иным, а не совершенством/несовершенством создаваемых ими прав и обязанностей. Допустимость или недопустимость применения силы в целях реализации нравственного требования не влияет на интенсивность осуждения поступков, которые это требование нарушают. С точки зрения совести, может быть, лучше совершить что-то такое, за чем следуют реальные санкции, чем нечто более отвратительное, но позволяющее оставаться безнаказанным. Если, конечно, такая альтернатива может возникнуть в реальной практике. При подобном понимании разграничение двух видов прав и обязанностей теряет свою значимость для выбора моральным субъектом собственных инициативных поступков. Он должен сверяться с ним только в том случае, когда реагирует на нарушение прав другими людьми, и только потому, что не хочет применять силу там, где это недопустимо.

²⁴ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

²⁵ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 258–259.

²⁶ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 259.

²⁷ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 258.

Вторая линия рассуждения заметно менее радикальна и связана с созданием двух шкал количественной оценки прав и обязанностей. В соответствии с одной шкалой исполнение несовершенных прав является более важным, чем исполнение совершенных, в соответствии с другой – наоборот. Первая шкала задана таким критерием, как степень добродетельности деятеля, которая, в свою очередь, определяется внешними и внутренними характеристиками его поступков. Внешняя сторона задана количеством принесенного в мир добра, внутренняя – силой антиэгоистических мотиваций, порождающих поступок. «Соблюдение совершенных прав других, – пишет Хатчесон, – заключает в себе мало добродетели, потому что тем самым момент добра несколько не увеличивается по сравнению с тем, каким он был раньше, а интерес, ведущий к этому действию, очень велик, включая стремление избежать всех зол войны в первобытном обществе»²⁸ (более точный перевод – «в природном состоянии»). С соблюдением несовершенных прав складывается обратная ситуация: добро прирастает, а личный интерес в совершении действий минимален. Коррелятом добродетельности деятеля, по Хатчесону, является положительная нравственная оценка его поступков: лишь «те действия или услуги, которых другие требуют от нас в силу несовершенного права... по-настоящему заслуживают похвалы»²⁹.

Вторая шкала, в которой на вершине находится исполнение совершенных прав, формируется на основе такого критерия, как степень порочности деятеля. Внешняя сторона порочности определяется тем злом, которое причиняют поступки порочного человека, а внутренняя – силой его эгоизма. Внутреннюю сторону порочности Хатчесон характеризует следующим образом: «Нарушение несовершенных прав лишь свидетельствует о том, что у человека настолько слабая благожелательность, что он не заботится о содействии определенному благу других, когда оно менее всего противоречит его собственному; нарушение совершенных прав, однако, свидетельствует о том, что человек, их нарушивший, является определенно злым или жестоким; или по крайней мере столь неумеренно эгоистичным, что он безразличен к определенному несчастью или разорению других, если он воображает, что в этом он может обнаружить свой интерес»³⁰. Объясняя

²⁸ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 252 (ср.: *Hutcheson F. An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue. P. 190*).

²⁹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 252.

³⁰ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

причины такого соотношения, Хатчесон утверждает, что «пожелание определенного блага другим слабее нашего сострадания их несчастью», поэтому нарушающий совершенное право обладает гораздо большей степенью эгоизма³¹. Внешняя сторона порочности раскрывается в следующем высказывании: «нарушение совершенных... прав всегда является чрезвычайно злым, либо по непосредственным, либо по более отдаленным последствиям действия»³². Коррелятом порочности является моральное осуждение.

Приведенная выше характеристика двух шкал опирается на текст «Исследования...». Однако в «Системе...» их описание оказывается существенным образом модифицировано. Здесь фигурируют уже не степень порочности и степень добродетельности деятеля, связанные с соблюдением и нарушением разных типов прав, а сила (святость, высота) права, с одной стороны, и добродетельность деятеля, сопряженная с его соблюдением, с другой³³. «Права являются тем более святыми, – пишет Хатчесон, – чем больше их важность для общего блага, чем большие беды, проистекают из их нарушения, чем меньше беспокойств и расходов требует их соблюдение, чем большими являются достоинство тех лиц, которые обладают правами, или основания любви к ним. И насколько сильнее определенное притязание, настолько большим является преступление, состоящее в противодействии ему, и настолько же меньшей будет степень добродетели, выражающаяся в подчинении ему»³⁴. Так, в простом возвращении долгов, в воздержании от оскорблений и насилия, в благодарности за существенные добрые услуги, в помощи родителям в беде проявляется очень малая степень добродетели, однако, противоположные действия оказываются наиболее «отвратительными». При этом Хатчесон специально оговаривается, что благие поступки, которые требуют максимальных жертв и касаются людей, имеющих небольшие заслуги или не связанных с нами узами любви и признательности, будут свидетельствовать о высокой добродетели *только* в том случае, если соблюдение «слабых» прав сопровождается «уважением к пропорционально более высоким притязаниям других людей»³⁵.

³¹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 244.

³² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 252.

³³ В «Исследовании...» «сила прав» упоминается лишь однажды (см.: Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 252).

³⁴ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 263.

³⁵ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 263.

Последнее утверждение является по сути своей признанием нормативного приоритета совершенных прав над несовершенными. Однако это не просто приоритет одной группы прав над другой, в том смысле, как его описывал Пуфендорф: если одно право совершенно, а другое несовершенно, то исполнять следует первое. Хатчесон придает совершенству и несовершенству прав количественное измерение и вводит в «Систему...» раздел имеющий название: «Степени от несовершенного к совершенному неисчислимы». Описанная в нем иерархия прав разветвляется континуально от самых слабых несовершенных – к самым сильным из совершенных. Где-то в этом ряду проходит граница между тем, что можно и что нельзя обеспечивать посредством принуждения.

«Очевидно, – пишет Хатчесон, – существует градация от слабейших требований человечности к высшему совершенному праву, включающая неисчисляемые шаги. Каждый достойный человек, не находящийся в бедственном положении, может притязать на поддержку со стороны великих и процветающих для улучшения своего положения, если никто, обладающий большим достоинством или более нуждающийся, не имеет пересекающегося с ним притязания. Упомянутое выше притязание находится среди низших несовершенных прав или притязаний. Хороший человек в бедственном положении имеет более высокое притязание. Тот, кто непосредственно способствовал общественному благу имеет еще более высокое. Тот, кто оказал исключительные услуги почетного характера лицам, находящимся у власти, имеет более сильное притязание в их отношении, особенно, если он попал в бедственное положение. Все это называют несовершенными правами. Чем больше достоинство того, кто имеет такие притязания, и естественные источники любви к нему, тем больше они приближаются к совершенным правам. Достойный человек в бедственном положении имеет несовершенное притязание на предметы первой необходимости, но в отношении к собственным детям его притязание почти совершенно, и не только на простые средства существования, но и на жизненные удобства, соответствующие родительскому статусу (насколько дети могут позволить себе это, не впадая в нищету)»³⁶. Хотя Хатчесон и не пишет об этом прямо, вполне вероятно, что степени несовершенства прав должны быть сопряжены с разной интенсивностью осуждения их нарушений, а степени совершенства – не

³⁶ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 262.*

только с разной интенсивностью осуждения, но и с разной интенсивностью применения силы к нарушителям.

В-четвертых, Хатчесон дает специфическую трактовку конфликту прав. Он утверждает, что совершенные и несовершенные права не могут конфликтовать между собой, как не могут конфликтовать между собой права внутри этих групп. Данный вывод вытекает из посылки, что невозможна такая ситуация, при которой «действие, требование или обладание» «необходимы для общего блага или способствуют ему» и, одновременно, нечто противоположное им тоже «необходимо или способствует достижению той же цели»³⁷. В более экономичной и прозрачной формулировке из «Системы...»: «ни одно действие, обладание, требование не может быть в той же мере полезным для общества, как и его противоположность»³⁸. То, что подчас воспринимается как конфликт совершенных и несовершенных прав, на деле является конфликтом между несовершенными правами и другим, специфическим видом прав – «внешними правами».

Это понятие заимствовано Хатчесоном у Гроция, хотя в трактате «О праве войны и мира» оно является сугубо вспомогательным и не внесено в основную бинарную классификацию нравственных качеств «способность» – «соответствие». Оно начинает употребляться лишь в третьей книге трактата. Вот характерный пример. Внешнее право собственности по Гроцию принадлежит тому, кто захватил имущество в несправедливой войне, однако, оно сосуществует с «внутренним обязательством возмещения». Обсуждая примеры, иллюстрирующие исполнение данного обязательства, Гроций расширяет сферу действия внешних прав за пределы межгосударственных отношений, связанных с войной: «Сходен с этим случай договора, заключенного без злого умысла, с несоразмерными обязательствами... В таком случае по праву народов возникает некое правомочие принудить вступившего в договор к исполнению обязательства; однако тот, кто договорился в чем-либо свыше справедливой меры, не менее обязан по долгу честного и добросовестного человека привести сделку к равенству»³⁹. Хатчесон характеризует внешнее право как «осуществление, требование чего-либо или обладание чем-либо», которое «наносит ущерб обществу в любом частном случае, поскольку это направлено против

³⁷ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 245–246.

³⁸ Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. P. 260.

³⁹ Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 690. Пуфендорф использует понятие внешнего права, лишь цитируя Гроция.

несовершенного права другого (в «Системе...» – «противоположно священным обязанностям человечности, благодарности, дружбы»); и все же, однако, повсеместное лишение людей этой способности делать что-то, обладать чем-то, требовать чего-то или запрещение употребления силы для ее осуществления причинило бы больше вреда, чем все зло, которого можно опасаться при использовании этой способности»⁴⁰. Насильственное сопротивление осуществлению этих прав, по Хатчесону, более «губительно», чем «негуманность» их использования. В «Системе...» Хатчесон применяет к этой группе прав такие определения как «внешняя видимость права» или даже «тень права». До и вне возникновения противоречия с одним из несовершенных прав это права совершенного типа, но с момента появления такого противоречия они приобретают иной статус. «Внешняя видимость права – вот все, что остается тогда, когда долг благодарности, дружбы или человечности, требует отступить от того, что иначе было бы совершенным правом»⁴¹.

Среди внешних прав Хатчесон указывает следующие: «право богатого скряги в любое время забрать свой заем у самого трудолюбивого бедного ремесленника; право требовать выполнения соглашения, слишком обременительного для одной из сторон» и т. д. (в «Системе...» также присутствует право скряги на те предметы собственности, которые должны использоваться для человечности, благотворительности, благодарности)⁴². Мотивация их исполнения нравственным человеком, если сравнивать ее с мотивацией исполнения других прав, носит особый характер. Это «осмотрительность» (то есть опасение санкций) и учет «отдаленной перспективы вреда, который в некоторых случаях противодействия им может причиняться обществу», но ни в коем случае «не чувство долга в отношении к лицу, которое настаивает на их исполнении вопреки человечности»⁴³.

⁴⁰ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 245; *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 259.

⁴¹ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 259–260.

⁴² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении... С. 245; *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 259.

⁴³ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 260.

Иерархизация нравственных требований и проект деюридизации морали

Каковы причины поправок Хатчесона к Пуфендорфовой схеме? Для их понимания следует обратиться к концовке его эссе «Размышления об общераспространенных системах морали» (1724), являющегося своего рода журнальным анонсом к «Исследованию...». В ней Хатчесон утверждает: «Наши позднейшие моралисты в спешке и кое-как рассматривают все предметы, пока они не доходят до доктрины прав и несправедливого ущерба, и подобно теоретикам гражданского права, чья единственная задача состоит в том, чтобы понять, в какой мере своевольные люди и мошенники должны принуждаться силой, они посвящают все свои рассуждения вопросу о совершенных или внешних правонарушениях»⁴⁴. В итоге они сбрасывают со счетов «благородные переживания» («переживания чести и человечности»), видя во всех людях «несдержанных негодяев». Для примера он берет ситуацию со случайным разрушением вещи взятой в долг и показывает, как в ней рассуждали бы подлинно благородные люди: заимодавец, более богатый, чем должник, взял бы потери на себя, в равной мере богатые люди разделили бы потери поровну и т. д. Вопрос об оправданности принуждения, конечно, важен, поскольку есть члены общества, которые не хотят исполнять свои обязанности, и моралистам приходится обсуждать удобные для общества и способствующие общественному миру способы их принуждения. Однако односторонняя сосредоточенность на нем ведет к фундаментальной аберрации теории морали, к искажению представлений о человеческом совершенстве: «Возможность избежать тюрьмы и виселицы является достаточной наградой для той добродетели, которую, похоже, внушают людям многие из наших систем»⁴⁵.

Можно сказать, что, по мнению Хатчесона, этическая теория в обсуждаемых им «системах морали» подменяется односторонним исследованием тех нравственных предписаний, которые подлежат правовому оформлению, она превращается в выявление нравственных оснований права. «Общераспространенные системы морали» сосредоточены не на этике инициативно и ответственно действующего лица, а на этике реагирующего на нарушения правоохранителя или че-

⁴⁴ *Hutcheson F. Reflections on the Common Systems of Morality // Hutcheson F. On Human Nature. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 105.*

⁴⁵ *Hutcheson F. Reflections on the Common Systems of Morality. P. 106.*

ловека, оказавшегося вне досягаемости для правоохранительного аппарата и вынужденного реагировать на них самостоятельно. Они отождествляют мораль с нормативными минимумами, причем лишь теми, которые могут и должны быть гарантированы силой. В их рамках свидетельством высокого нравственного качества человека является то, что его нельзя на законных основаниях подвергнуть наказанию. Ответом Хатчесона на эту тенденцию является настойчивое противостояние юридикации этической теории и самой морали, принимающее разные формы. Оно просвечивает во введении индивидуально-перфекционистских доводов в пользу ограничений правового принуждения. Оно выражается в создании аргументации в пользу высокой значимости несовершеннолетних прав в соответствии с альтернативной аксиологической осью – не силой или святостью прав, а добродетельностью деятеля. Оно же выливается в попытку развести между собой юридическую безнаказанность и нравственное совершенство посредством введения концепта «внешние права»⁴⁶.

В своем стремлении избежать однобокого представления о нравственных ценностях и принципах моральная философия Хатчесона созвучна исканиям других новоевропейских этиков, отталкивающихся от идейного наследия Гроция и Пуфендорфа. К примеру, Х. Том-

⁴⁶ Нет оснований полагать, что Гроций и Пуфендорф абсолютно чужды пониманию границ между моралью и правом, акцентируемых Хатчесоном. Так Гроций, рассматривая вопрос о том, «можно ли выдавать в руки врага невинного гражданина, дабы избежать грозящей в противном случае государству гибели», утверждает, что «в силу права в собственном смысле гражданин не обязан к этому; а милосердие даже не допускает иного образа действия» (*Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 559*). И если в этом фрагменте нет прямого указания на более высокий ценностный статус милосердия в сравнении со справедливостью, то при обсуждении возможности отказа от права на войну оно возникает: «следует предупредить возможность ошибки, дабы кто-нибудь не подумал, что если налицо имеется достаточное право, то следует немедленно же предпринимать войну, или что это, по крайней мере, всегда дозволено. Ибо на самом деле, совсем напротив, в большинстве случаев гораздо благочестивее и правильнее не воспользоваться своим правом» (*Гуго Гроций. О праве войны и мира. С. 547*). Пуфендорф прямо ведет речь о том, что заслуга возникает лишь в случае исполнения несовершеннолетних обязанностей, а поводом для осуждения является неисполнение совершенных (см.: *Pufendorf S. De jure naturae et gentium. P. 129–130*). Он утверждает также, что хотя неблагодарность не является нарушением совершенного права, она, тем не менее, является чем-то более ненавистным и гнусным, чем сама по себе несправедливость (см.: *Pufendorf S. De jure naturae et gentium. P. 308*). Однако следует иметь в виду, что это частные замечания, а не главное направление их рассуждений.

мазий утверждал, что внутренние обязанности, поддерживаемые не силой, а высоким нравственным качеством личности, в определенном смысле более совершенны⁴⁷. А И. Кант и вовсе радикально деюридизировал разграничение совершенных и несовершенных обязанностей. Правда, предложенная Кантом деюридизация имела несколько иное направление: не акцентирование значимости несовершенных обязанностей, а введение совершенных обязанностей в число подлинно моральных, то есть обязанностей добродетели. Свое обсуждение пары «совершенные» – «несовершенные» обязанности Кант изолировал от исследования оснований легитимного принуждения. Первые имеют приоритет, поскольку недопустимы исключения из них. А эта характеристика совсем не обязательно ведет к допустимости принуждения в случае их неисполнения. Допустимость принуждения определяется Кантом на иной основе – «правомочие принуждать» возникает в том случае, когда применение силы позволяет «воспрепятствовать препятствию для свободы»⁴⁸. Поэтому одна часть совершенных обязанностей может быть и правовой, и моральной одновременно (подобно обязанностям не применять силу, не покушаться на собственность и т. д.), а другая – исключительно моральной (как, например, обязанности не совершать самоубийство и не проявлять к другому человеку неуважения)⁴⁹.

Оценивая проект деюридизации морали и этической теории, предложенный Хатчесоном, следует указать на его вневременную актуальность. В современной этической теории, например, недостатки, критикуемые Хатчесоном, проявляются в связи с односторонней сосредоточенностью некоторых этиков на проблематике справедливости в ущерб другим проявлениям морали. Однако у того способа, ко-

⁴⁷ См.: *Schneewind J.B.* The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 165.

⁴⁸ *Кант И.* Соч. на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 1. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве. М.: Канон+, 2014. С. 91.

⁴⁹ Среди других очевидных сходств позиций Канта и Хатчесона: подозрительное отношение к возможности конфликта прав или обязанностей, выведение различия между совершенными и несовершенными правами и обязанностями не только из условий существования человеческого сообщества, но и из неких внесоциальных факторов. В последнем случае имеется в виду, что Кант разграничивал совершенные и несовершенные обязанности в связи с разными способами универсализации максим, а также разными проявлениями отношения к другому человеку не только как к средству, но и как к цели.

торым Хатчесон отстаивает специфику морали и полноту ее проявлений, есть и откровенно слабые стороны. Так, стремясь сохранить различие между нравственным совершенством и юридической безнаказанностью и разводя для этого между собой права и «тени прав», он существенным образом уменьшает моральную поддержку правовых установлений. В том случае, когда права делятся исключительно на совершенные и несовершенные, уважение к собственности, например, выступает как нерасчлененное нравственное переживание. Его сила и целостность удерживают нас от экспроприации «богатого скряги» в той же мере, как и угроза наказания. А если уважение к собственности делится на уважение к совершенным и внешним правам, то сдержки оказываются гораздо слабее. Ведь выделение внешних прав подчеркивает аморальность действий скряги и, следовательно, делает психологический барьер по отношению к «благородному грабежу» слабее.

В этом смысле интересно сравнение с позицией Д. Юма, который во главу угла своей социальной этики ставил вопрос об устойчивости общественной системы и в силу этого никогда не проводил разделения между «внешней» и «внутренней» справедливостью. Он обсуждал только справедливость как таковую и намеренно характеризовал ее как добродетель с «широкими взглядами». «Справедливость, – писал Юм, – вынося свои решения, никогда не наводит справок, соответствуют или не соответствуют предметы [нуждам] частных лиц... Всякий человек, будь он щедр или скуп, находит у нее одинаково хороший прием, и она с одинаковой легкостью выносит решение в его пользу, если даже дело касается того, что совершенно для него бесполезно»⁵⁰. Для обитателя «цивилизованного общества», по мнению Юма, возвращение денежного долга обуславливается не столько анализом «отдаленной перспективы вреда, который... [в противном случае] может причиняться обществу», сколько «уважением к справедливости и презрением к подлости и низости»⁵¹.

⁵⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 542.

⁵¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. С. 521.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуго Гроций*. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 1. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2014.
- Прокофьев А.В.* Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М.: Альфа-М, 2013.
- Хатчесон Ф.* Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М.: Искусство, 1973. С. 41–262.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–656.
- Buckle S.* Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Garrett A.* Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights // The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy / Ed. by G. Boros, H. De Dijn, M. Moors. Leuven: Leuven University Press, 2007. P. 163–180.
- Haakonssen K.* Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hope V.* Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Hutcheson F.* A System of Moral Philosophy in Three Books. Glasgow: R. and A. Foulis, 1755.
- Hutcheson F.* An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises. Indianapolis: Liberty Fund, 2004.
- Hutcheson F.* Reflections on the Common Systems of Morality // Hutcheson F. On Human Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 96–107.
- Mousourakis G.* Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory // Indian Philosophical Quarterly. 1997. № 4. P. 527–542.
- Ogose T.* Morality, Polity and Economy in Francis Hutcheson // The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Ed. By T. Sakamoto, H. Tanaka. L.: Routledge, 2003. P. 39–54.
- Pufendorf S.* De jure naturae et gentium libri octo. Lund: Adam Junghans, 1672.
- Pufendorf S.* De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. Cantabrigae: Joan Hayer, 1682.
- Pufendorf S.* Elementorum jurisprudentiae universalis libri II. Francofurti et Janae: Johanness Meyer, 1669.
- Schneewind J.B.* The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Shimokava K.* A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property // Humanities: Christianity and Culture. 2012. Vol. 43. P. 1–25.
- Strasser M.* Hutcheson on External Rights // Philosophical Studies. 1986. Vol. 49. №. 2. P. 263–269.

Waymack M.H. Francis Hutcheson: Virtue Ethics and Public Policy // The Practice of Virtue: Classic and Contemporary Readings in Virtue Ethics / Ed. by J. Welchman. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2006. P. 170–181.

Prokofyev Andrey Vyacheslavovich

DSc in philosophy, leading research fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Volkhonka, 14, bld. 5, Moscow, 119991, Russia. E-mail: avprok2006@mail.ru.

**The Question of the Hierarchy of Moral Requirements
in the Ethics of Francis Hutcheson**

The paper analyses one of the historical precedents of establishing the hierarchy of moral requirements, viz, the typology of rights proposed by Francis Hutcheson. To set the order of priority among different norms Hutcheson resorts to the distinction between perfect and imperfect rights which descended from Hugo Grotius and Samuel Pufendorf. However he corrects the justification and the meaning of this distinction. His corrections relate to the project of overcoming the juridisation of morality proclaimed in his early article *Reflections on the Common Systems of Morality* (1724) and partially fulfilled in later works. Hutcheson insists on the limitation of legal coercion by the sphere of perfect rights not only on the basis of social and disciplinary, but also individual and perfectionist considerations, he stresses the role of respecting imperfect rights for the moral perfection and introduces an additional typological niche (external rights) to indicate cases where the defense of the lawful interest amounts to the violation of moral duty.

Keywords: Morality, ethics, strength of moral requirements, perfect, imperfect and external rights, F. Hutcheson.

REFERENCES

Hugo Grotius. *O prave voiny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladimir Publ., 1994. (In Russian)

Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. T. 5. Ch. 1. *Metafizika nravov. Metafizicheskie pervonachala ucheniya o prave* [Metaphysics of Morals. The Metaphysical Elements of Justice]. Moscow: Kannon + ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2014. (In Russian)

Prokofyev, A.V. *Vozdavai' kazhdomu dolzhnoe... Vvedenie v teoriyu spravedlivosti* [Giving everyone his due... An Introduction to the theory of justice]. Moscow: Alfa-M Publ., 2013. (In Russian)

Hutcheson, F. "Issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei krasoty i dobrodeteli v dvukh traktatakh" [An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue (in 2 tractates)], in: Hutcheson, F., Hume, D., Smith, A., *Estetika*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973, pp. 41–262. (In Russian)

Hume, D. "Traktat o chelovecheskoj prirode" [A Treatise of Human Nature], in: Hume, D. *Sochineniya: V 2 t.* [Works. In 2 vols.]. T. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1996, pp. 53–656. (In Russian)

Buckle, S. *Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Garrett, A. "Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights", *The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy*, eds. G. Boros, H. De Dijn, M. Moors. Leuven: Leuven University Press, 2007, pp. 163–180.

Haakonssen, K. *Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Hope, V. *Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hutcheson, F. *A System of Moral Philosophy in Three Books*. Glasgow: R. and A. Foulis, 1755.

Hutcheson, F. *An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises*. Indianapolis: Liberty Fund, 2004.

Hutcheson, F. "Reflections on the Common Systems of Morality", in: Hutcheson, F., *On Human Nature*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 96–107.

Mousourakis, G. "Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory", *Indian Philosophical Quarterly*, 1997, no 4, pp. 527–542.

Ogose, T. "Morality, Polity and Economy in Francis Hutcheson", *The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment*, eds. T. Sakamoto, H. Tanaka. London: Routledge, 2003, pp. 39–54.

Pufendorf, S. *De jure naturae et gentium libri octo*. Lund: Adam Junghans, 1672.

Pufendorf, S. *De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo*. Cantabrigiae: Joan Hayer, 1682.

Pufendorf, S. *Elementorum jurisprudentiae universalis libri II*. Francofurti et Janae: Johanness Meyer, 1669.

Schneewind, J.B. *The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Shimokava, K. "A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property", *Humanities: Christianity and Culture*, 2012, vol. 43, pp. 1–25.

Strasser, M. "Hutcheson on External Rights", *Philosophical Studies*, 1986, vol. 49, no 2, pp. 263–269.

Waymack, M.H. "Francis Hutcheson: Virtue Ethics and Public Policy", *The Practice of Virtue: Classic and Contemporary Readings in Virtue Ethics*, ed. J. Welchman. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2006, pp. 170–181.